

ТРИ

гемектива

ИГОРЬ БОЙКО

Игорь Бойко

Три детектива

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21260557

Аннотация

Похищена историческая алмазная корона. Три детектива ? отставной опытный сыщик Гавличек, молодой мало угодный начальству следователь Франтишек и средних лет угодный властям сотрудник Пиварник ? ищут пропажу сначала в одной, потом в другой стране. Неожиданно особый интерес к алмазам проявляют лётчики, охранники, генералы и чином поменьше, юристы, один литератор, а ещё мелкая шпана, крупный криминал, девушки и многие другие. Судьба благоприятствует детективам: они нашли, так уж получилось, не то, что искали, но это оказался не худший вариант. А вот другим повезло меньше.

Содержание

Пролог	4
Глава, предшествующая первой	8
Глава первая	11
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Игорь Бойко

ТРИ ДЕТЕКТИВА

Философский детектив

Пролог

Всякий уважающий себя писатель, которому любознательный читатель дорог почти настолько же, насколько он (читатель) дорог самому себе, всегда ищет возможность обратиться к нему прежде, чем он (читатель) ещё не стал таким, и объяснить ему то, до чего читатель сам ни в жизнь не додумается.

В этом смысл и назначение всякого пролога, хотя, как по мне, он вовсе не нужен. Но, если встать на другую точку зрения (тоже правильную), отсутствие пролога может показаться придирчивому читателю очевидным признаком великой лениности и душевной вялости автора, а то и просто знаком недостаточно сильного уважения к поклонникам увлекательной литературы.

Не будем спорить с читателем, поскольку он всегда прав, и посмотрим, о чём пишут в прологах, а если и не пишут, то всё равно подразумевают. Вот, например, известные писатели Иванов, Петров и Сидоров прозрачно намекают, что их

прекрасные книги приключений целиком сотканы из крупиц собственного бесценного, хотя и малопоучительного (по моему мнению), жизненного опыта. В то же время, ничуть не менее известные писательницы Чижова, Орлова, Соловьёва со своей стороны недвусмысленно дают понять, что их захватывающие детективы только выглядят высосанными из пальца. На деле же всё не совсем так просто. Просто эти литературные богини не успели по разным несущественным причинам обзавестись достаточным знанием жизни. Но вскоре, нет сомнения, эти благополучные дамы быстро наверстают всё упущенное и порадуют нас новыми шедеврами своей ничем не скованной творческой мысли. И всё же нет у меня полной уверенности, что Агата Кристи, если она специально воскреснет для данной цели, одобрительно отзовётся об их продукции. Скорее всего, старой леди не понравится, что детективы упомянутых дам похожи друг на друга, как птенцы одного помёта. Я же, в отличие от великой прародительницы, вижу в данном обстоятельстве не промах, а, наоборот, трезвую работу уверенной руки мастера (если хотите, мастерицы), удовлетворяющей самым простым и экономным образом законные естественные требования общества, отдающего свои симпатии литературе, нисколько не утруждающей мозги.

Когда я приступал к этой книге – созданию моего пытливого разума, последнему в моём творчестве по времени, но, отнюдь, не по значению, – я заранее, ещё не написав ни

одной строчки, уже предвидел все замечания, возражения и просто обидные отзывы моих доброжелательных критиков. Более всего они будут поругивать меня за то, чего в этом труде нет, хотя справедливее было бы винить за то, что в нём есть.

Для того, чтобы недобросовестные критиканы не попали впросак, и не стали безосновательно вопить, что в книге начисто отсутствуют любовные сцены, сообщаю, что такие сцены здесь имеются (две или три), правда, ближе к концу, чем к началу. Если ревнителю сложившихся правил требуют смертельной опасности, то и такое найдётся, правда, наибольшая беда будет грозить – и в этом я замечаю некоторую собственную непоследовательность – не самым симпатичным героям.

А как насчёт погони? Будет, уверяю вас, и погоня, потому что без погони детектив – не детектив, а неизвестно что. Не очень долгая погоня, но, безусловно, удачная. Так что основное требование к погоням будет с полным знанием дела выполнено, если не совсем по результату, зато по замыслу наверняка.

В хорошем детективе проницательный читатель должен оставаться до самого конца в совершеннейшем неведении, кто здесь окажется главным злодеем. Вот тут у нас всё в порядке. До самой последней страницы, предупреждаем, самый толковый любитель криминального чтения ни о чём не догадается, и тайна преступления, есть основания надеять-

ся, грозит умереть вместе с автором.

Вот это и есть вершина детективного жанра, на которую доселе мало кто взбирался.

Однако я ни капельки не сомневаюсь, что именно вы, тот, кто в данный момент держит эту книгу в руках, без труда сообразите, кто был истинным виновником переполоха. Если бы это было не так, я ни за что не посмел бы писать этот примечательный детектив.

Автор.

Глава, предшествующая первой Лунный свет

Полная луна стояла против открытого окна, и от того в комнате было светло.

Это была прекрасная летняя ночь, полная шорохов и тайн, ночь, достойная давно позабытых языческих праздников.

Можно было не слишком таиться, потому что сегодня на даче никого, кроме Мадам да их двоих с Петром, не было. По привычке всякого добросовестного сторожа Петро в этот час спал особенно крепко, но Василий двигался тихо и осторожно. Всё-таки на такое дело он шёл в первый раз.

Вот и тот самый фикус. У Руководителя их было много, потому что со времён его полубеспризорного детства фикусы представлялись ему непременно спутником и даже лучшим символом благополучия и богатства. Теперь, уже доравшись до великой власти, Руководитель всё ещё испытывал благоговение перед этими довольно заурядными растениями и держал их на своей богатой даче в большом количестве: и в кадках и в горшках разных размеров.

Этот был в большом горшке.

Василий осторожно потянул растение, и оно легко вынулось вместе с землёй и корнями. На дне посуды открылся вышитый беленьким бисером мешочек из оленьей кожи. Те-

перь уже можно было рассмотреть спрятанное внутри.

Лунный свет упал на бесценные кристаллы, и они радостно откликнулись ему тоненькими разлётными многоцветными лучиками, вспыхивая по уголкам маленькими яркими звёздочками. Эстет сказал бы, что это было изумительно красиво.

Счастье всегда недолговечно. А большое счастье приходит лишь на миг. В позвоночник Васи больно упёрся «Макаров», и Петро каким-то чужим, напряжённым голосом сказал:

– Положи это на подоконник, подними руки, так чтобы я их видел, и медленно отходи в сторону.

– Да что ты, Петро? – враз осипшим голосом сказал Василий и тут же, как учил инструктор, когда они ещё вместе служили в особом полку, резко присел и, не теряя темпа, качнулся вперёд на руки, а затем со всей силой ударил назад ногой старого друга, столь некстати появившегося со своим безжалостным пистолетом.

Точнее – хотел ударить. Но Петро учился у того же самого инструктора. Он только немного повернулся, и предназначенный ему страшный удар провалился в пустоту. Раздался негромкий звук, словно ребёнок хлопнул в ладоши (глушитель был хорошим), и в крепкую шею невезучего Васи впилась небольшой кусочек свинца. Он летел со страшной силой, разрывая позвонки, сосуды, нервы, мышцы, соединительные ткани, разрушая всё, что называется жизнью.

Луна равнодушно смотрела в окно. Ей было видно, что на земле произошло ещё одно преступление. Ещё одно звено, не последнее, добавилось к бесконечной цепи поступков, противоземных и позорных.

Глава первая

Пропавшая реликвия

Любознательный читатель вправе спросить:

– Где это всё произошло?

Прямо поставленный вопрос требует столь же прямого ответа. И если бы автор располагал им, то тут же без утайки всё бы сразу и выложил. Увы, в этой занимательной истории с самого начала много неясностей. Есть, конечно, надежда, что читателю, у которого хватит мужества и терпения добраться до конца книги, всё там и откроется. Если же этого не произойдёт, нужно будет перечитать данную повесть ещё и ещё раз. Но если и после такого подвига останется Невьясненное, придётся с грустью признать, что читатель совершенно напрасно потратил своё время, а автор – своё.

Так где же это всё случилось?

Астрономы, которым всё интересно, установили существование зеркальной Вселенной, где всё происходит совсем, как у нас, только при этом левое и правое меняются местами. Наша непросвещённая публика по своему обыкновению полностью переиначила это удивительное знание на свой лад и уверовала, что все оценки событий в зеркальном мире меняются местами с нашими суждениями с точностью

до наоборот. Поэтому всё наше хорошее у них, без всякого сомнения, считается плохим, зато наше плохое в тех краях старательно возводится в ранг истиной добродетели. Затруднение состояло лишь в том, что современная много чего достигшая наука так до сих пор и не научилась отличать прямой образ от его зеркального отображения. Точнее, она пока не может надёжно сказать, кто есть кто, поэтому всегда остаётся невыясненным вопрос, в своём ли мире мы находимся или, упаси бог, в зеркальном, который от нашего ничем по существу не отличается, потому что правое и левое являются относительными понятиями, зависящими только от положения наблюдающего. А положение бывает разное.

Чисто случайно, не без помощи умелых экстрасенсов, которым, к счастью, ныне нет числа, нам удалось всё-таки выведать, что мы – это всё-таки мы, а не они, и кое-что разузнать, как там у них в зеркальной Вселенной всё это выглядит. Нам повезло: сведущие люди, когда мы к ним приступили, не стали стесняться своих знаний и пояснили, что дела обстоят не совсем так, как мы думаем, а кое в чём полностью противоположно. Хотя всё остальное – тютелька в тютельку.

Поэтому трудно сейчас сказать, действительно ли описанные здесь события происходили у нас, а если происходили, то в какое время. У них же всё, о чём здесь рассказывается, произошло в самом конце будущего столетия или чуть раньше. Так утверждает магистр Алькофрибас Назье, всем известный извлекатель квинтэссенции. Впрочем, он может и

ошибаться. Поскольку этот магистр большой шутник.

Конечно, мы не можем здесь ручаться за приведенные факты. Но всё остальное верно.

Кстати.

Люди почитают одних писателей, а читают совсем других.

– Это у нас или в зеркальном мире?

– У нас – да, а у них – не знаем. Хотелось бы выяснить.

– Вы уже слышали последнюю новость?

– Ещё нет, а что?

Вот какими вопросами обменивались шёпотом жители Вышеславова королевства. Говорили тихо, опасаясь, что их услышат те, которые любят всё слушать, и поймут их не совсем правильно.

– Так знайте же: у нашего короля пропала корона. Ещё совсем недавно она мирно покоилась на подушечке малинового бархата в королевском кабинете, а теперь её там, как обнаружилось, не стало.

– Подумать только! Вот до чего мы докатились! O tempora, o mores!

– Цицерона можете цитировать сколько угодно, но вот про корону никому не рассказывайте. Потому что – секрет.

– Разумеется – ни звука.

Если прислушаться к философам, то материя – это вещи, склонные к исчезновению. Вот только что были под рукой,

а потом, глядишь, их не стало. Долго потом ищешь и не всегда находишь. Возмущаться и сопротивляться бесполезно – просто мир наш так устроен. Говорят, и зеркальный тоже.

На этот раз исчезла корона.

Вообще-то этой драгоценной регалии полагалось храниться в государственной сокровищнице и появляться на свет только во время особо торжественных церемоний (кто-то в королевской семье родился, кто-то отошёл в мир иной, кто-то надумал жениться или, например, армия одержала блистательную победу, по какой причине был устроен торжественно богатый и довольно обременительный для казны приём иностранных гостей и местной элиты). Так оно раньше всегда и было. Но вот король Вышеслав, взошедши на престол, дерзко нарушил этот похвальный и предусмотрительный обычай и теперь постоянно держал бесценную корону не в пропыленных сундуках Алмазного фонда, а прямо на каминной полке в своём кабинете, чтобы она у него всегда была на виду прямо перед носом.

А зачем?

Была ли в том суровая необходимость или просто выиграло мелкое тщеславие венценосной особы? Историки в этом обязательно разберутся. Мы же изложим здесь свою версию, единственно правильную.

Всё дело, как мы считаем, было в том, что верховная власть и всё хорошее, что к ней прилагается, достались Вышеславу не по естественной линии отца-деда-прадеда, как

это принято у всех приличных и от того процветающих монархий, а совершенно случайно: волею каприза Фортуны (не без того), но всё же больше интригами и игрой тайных, могущественных сил, замыслы которых не были до конца понятны даже их смекалистому избраннику.

А если власть попадает не в те руки, это большая беда или не слишком?

Большинство людей, проживающих на нашей шарообразной планете, так и не научилось понимать или хотя бы догадываться, насколько легко руководить толпой, или, более корректно, – человеческим обществом. Думаете, для этого обязательно нужны Тамерланы и Вашингтоны? Ошибаетесь! Сойдут фигуры и помельче. Иногда к высшей власти пробиваются такие незначительные создания, что даже в сильный микроскоп их как следует не разглядишь. Да и не нужно разглядывать! Потому что дело вовсе не в них. Главное, чтобы действовала Система. А что это такое, то великая тайна есть, и не нам с вами её разгадывать.

– Должен признаться, что я почти ничего не знаю о Вышеславе.

– Тогда я постараюсь вам рассказать. Если вам станет скучно, остановите меня. Чудесное восхождение Вышеслава началось с того времени, когда прежний король Пшебыслав, окончив свой многотрудный земной путь, устремился всей душой, как ему и положено, напрямиком на небеса. Но отправился он в этот значительный и безвозвратный путь со-

вершенно бездетным, не позаботившись оставить после себя очевидного и соответствующего наследника. С его стороны это был крупный государственный промах. За такими просчётами обязательно следуют долгие смуты и вызывающие дикую разруху претензии на освободившийся престол со стороны неисчислимых подозрительных личностей.

В этот раз случилось то же самое.

Возможно, найдётся много рвущихся к беззаветному труду летописцев, готовых с величайшим прилежанием, ничего не упустив и почти не добавив ненужного, талантливейшим образом описать безалаберные годы, следовавшие за звоном колокола, возвестившим, что затянувшееся правление Пшебыслава прервано щелчком ловких ножниц престарелых богинь, которые долго и нудно без видимых признаков усталости прядут и тянут бесчисленные нити жизни ради короткого удовольствия одним махом перерезать их в самый неподходящий, по нашему мнению, момент.

Мы не последуем за упомянутыми нами безупречными рыцарями пера по многим причинам. Во-первых, мы не уверены, что наши умеренные достоинства хоть сколько-нибудь соизмеримы с их недюжинным мастерством и непревзойдённой выучкой, с их поразительным умением выуживать потрясающие жемчужины из такого болота, в которое мы не сможем заставить себя не то что с головой окунуться, но хотя бы забрести по щиколотку, даже если употребим при этом

ради успеха предприятия всю отпущенную нам силу воли. Во-вторых... впрочем, достаточно и во-первых.

Платон сжёг свои юношеские поэмы из-за того, что они показались ему хуже гомеровских. Нам бы тоже следовало проявить такую же похвальную скромность, но мы не решились. Далеко нам до основания Академии!

И вот к власти пришёл...

Попробуйте окончить начатую фразу, если вас сразу же перебивают:

– А не можете ли вы сказать мне, что такое власть?

– Ну конечно, могу. Власть это... ну и хитрец же вы! Специально ведь притворились, чтобы поставить меня в затруднительное положение. Поскольку это понятие, если его ограничить одним словом, не имеет строгого определения, хотя даже самому простенькому ежу понятно, о чём идёт речь.

– В чём-то, сударь, вы правы, но согласиться с вами полностью никак не могу. А хотите, я вам скажу?

– Конечно, хочу.

– Видите ли, власть – это внеличное презрение.

– Очень странные слова вы говорите.

– Нисколько. Человек, получивший власть, неизбежно презирает всех, кто внизу, уже в силу одного того, что они не сумели подняться к вершине. И это презрение вовсе не связано с тем, что у властелина оказалась на редкость чёрная или извращённая душа. Это чувство является всего лишь

натуральным признанием того тривиальнейшего обстоятельства, что остальные, толкущиеся у подножья пьедестала, не заслуживают уважения, поскольку нет на то никаких причин.

– Возможно вы и правы, хотя я не уверен, что правильно вас понял. Попробуем всё-таки продолжить.

И вот королём был объявлен Вышеслав. Объявила его Система к общему неожидананию и даже к исключительному удивлению большинства своих сограждан – ведь неделю назад мало кто подозревал о самом его существовании в этой многострадальной державе. Но от удивления, если верить медицине, ещё никто не умирал, поэтому общество в тот момент не лишилось ни одного из своих достойных членов.

Коронация была, как и положено, пышной, но зевакам, вынужденным целый день простоять в истомившейся толпе, она показалась бы довольно скучной, если бы в самый торжественный момент не выяснилось, что историческая корона слишком велика для маленького черепа удачливого кандидата. Тогда расторопные прислужники быстренько и почти незаметно для посторонних глаз, всунули в неё салфетку. Всё сошло бы хорошо, но один край ослепительно белого полотна всё же вылез из под золотого обруча и лихо свесился на красное от волнения ухо помазанника. Иностранцы послы, привыкшие владеть своими чувствами, решили, что в этой стране так и надо, а свои люди посмеялись и сказали:

– Вот так у нас всегда. А почему, то нам неизвестно. А неизвестно, оттого что умом наш народ не понять и никакой ли-

нейкой или циркулем не измерить.

А потом венценосный вождь пожелал, чтобы корона, так неожиданно свалившаяся ему на голову, не была отправлена обратно в сокровищницу, а нашла себе оправданный приют в его рабочем кабинете. Один мимолётный взгляд на неё уже поднимал настроение и заставлял любую мысль избранника плясать среди трёх основополагающих столбов:

– Ух ты!

– Во даём!

– Ну и ну!

И вот она пропала.

Интересно, откуда у всех (кроме меня и ещё пары человек) такое уважение к государственной короне? Ведь по своему первоначальному, если хотите – историческому, назначению это всего лишь шапка, сознаюсь – довольно богатая и примечательная, но всё ж всего лишь шапка. Берусь утверждать, что излишне тяжёлая, недостаточно тёплая, весьма старомодная, а к тому же сильно раздражающая некоторых лиц, считающих, что и у них есть определённые права на этот головной убор.

О чём тут ещё говорить? Немного необычная шапка, и только.

И вот она пропала.

Абсурд какой-то: пропала корона. Разве можно в такое поверить? Это хорошее настроение может пропасть или, на-

пример, породистая собака. Или билет в оперу. Или чертежи сверхсекретного самолёта. Такое всем понятно. Потому что не противоречит мировому порядку вещей.

И всё же пропала.

Ещё вчера была, а сегодня исчезла. Одна только вмятина от неё на бархатной подушке осталась. Но вмятину на голову не оденешь.

Не так ли?

Кошмар!

А какое у нас сегодня число?

Тринадцатое.

А день какой?

Понедельник.

Ну тогда всё понятно – день по всем статьям неудачный. Непонятно только одно: куда корона девалась?

Король поскучнел, заволновался, подбежал к телефону и вызвал Дубовца, министра чрезвычайных происшествий.

Уж чем страна Вышеслава была богата, так это чрезвычайными происшествиями. Ну разумеется, здесь в виду пожары не имеются. Никогда они не были пугающими и никогда не считались чем-то чрезвычайным, поскольку каждый день что-то где-то обязательно и верно горело. Чрезвычайными считались только ежегодные наводнения, повторявшиеся с изумительной точностью, обрушение мостов (каждый месяц не менее двух, но редко более десяти), а также регулярные взрывы артиллерийских складов (заблаговременно рассчи-

тать время очередного катаклизма не удавалось ни одному математику).

Нет сомнения, поиски пропавших корон не входили в круг первоочередных обязанностей хлопотливого министерства, но король больше всего доверял именно ему, поскольку только эта организация никогда не имела за собой вины за случившееся. И впрямь, кого, например, можно строго судить за несвоевременное землетрясение?

Вот почему Вышеслав первым позвал Дубовца.

Означенное лицо с трудом протиснуло своё расплывшееся тело в золочёную дверь королевского кабинета – при этом одна пуговица всё же отскочила от мундира и поспешила закатиться под диван (как её теперь оттуда достанешь?) – и с тревогой уставилось на перекошенную от горя внешность властелина.

– Корону спёрли, – с большой грустью сказал Вышеслав и уронил слезу.

– Как так? – удивился Дубовец.

– А вот так! – с оттенком мрачного удовлетворения ответил король, ощутив в этот миг при всей значительности потери некоторую сладость превосходства знающего над неведающим.

– А кто спёр? – это был вполне естественный, хотя, признаемся, немного глупый вопрос. Но придумывать умный вопрос времени не было.

– Если бы я знал, – убедительно объяснил король, – я бы

тебя не стал беспокоить.

– И то верно, – согласился главный чрезвычайник (он всегда умел облекать свои мысли в самые простые и доступные уму формы. Содержание мыслей такую операцию охотно допускало).

– Короче – ищи! – сказал Вышеслав и более ничего не прибавил за неимением подходящих слов. Его душили слёзы.

И пошёл Дубовец искать.

Искать он не умел. Зато знал, кто умеет это делать.

Глава вторая

Детектив Гавличек ищет корону

Закон и преступление появились в один и тот же день.

Всею наскучившая диалектика утверждает, что оба они — две стороны одной и той же медали, отчеканенной в тот самый день творения, когда на свет появились первые разумные существа. Спорить тут не с чем, и есть много оснований полагать и закон и преступление совсем уж неразделимыми братцами на манер сиамских близнецов (а почему бы и нет?). Естественно, при таком подходе большой ошибки быть не может, хотя иногда остаётся лёгкое подозрение, что без некоторого преувеличения здесь не обошлось.

Если нет закона, то нечего и преступать. Ведь никто не станет поднимать высоко полы пальто, чтобы переступить через несуществующую лужу.

А если никто ничего не преступает, то, получается, и закон становится вовсе ненужным.

Увы, существует и то и другое: и закон и преступление. Оба они являются насилием над личностью. Всякое насилие требует подчинения и беспощадно к тем, кто не хочет подчиниться.

Избавиться от преступлений можно только решительным упразднением законов (кто знает другой способ, пусть ука-

жет). Но человечество на это никогда не согласится.

Вот так и получается, что преступления всегда были, есть и будут независимо от того, нравится нам это или нет. Самый распространённый вид преступлений – кража. Крадут всё, что удаётся украсть. У кого больше возможностей, у того больше и стремлений.

После этого самые удачливые говорят: «Имеем что имеем!».

Можно ли украсть власть?

Вот какие странные мысли иногда приходили в голову отставному детективу Гавличеку.

Беспредельная любовь к истине не позволяет нам согласиться с теми, кто утверждает, что старого сыщика звали Индржихом.

Похищение драгоценностей не является в истории человечества исключительным событием. Если внимательно почитать книги, из тех, что сегодня пользуются наибольшим спросом, то выходит, что в процессе развития цивилизации энергичные люди только тем и занимались, что перемещали ценные вещи и деньги из одного места в другое, по возможности не уведомляя при этом их истинных хозяев (чтобы те не слишком огорчались). В отдельных, особо печальных случаях такие деяния происходили и с уведомлением. Тогда это называлось грабежом или разбойным нападением. За такие шалости полагалась отдельная статья.

Похищали всё, что под руку попадало, всё, что плохо лежало, а если и хорошо лежало, то всё равно старались умыкнуть. Такое стихийное перераспределение благ являлось несомненным условием (и следствием) прогресса, и когда оно достигало, не без помощи сомнительных теорий, особливо крупных размеров и общего участия в нём, то принимало научно обоснованное название социальной революции.

Справедливость требует отметить, что королевские короны воровали редко. По той причине, что этого добра не так уж много на свете, да и не всегда понятно, что делать с украденной короной, если нет законных оснований возложить её на собственную голову. В силу того, что данное явление было чрезвычайно редким, учёные криминалисты так и не разработали надёжной методики поиска пропавших корон. Кстати, и бесчисленно воруемых кошельков тоже (диалектика?). Вот так великое и малое идут рука об руку, лишний раз напоминая, что всё на свете относительно.

Интересно, кто первый сказал, что всё на свете относительно? Гарантирую, что то был не Эйнштейн.

Удалившийся на покой детектив первой категории Гавличек решал важный, почти классический вопрос, поставленный перед ним его настойчивой спутницей жизни – варить или не варить (на обед пельмени)? С одной стороны – кушать хочется. С другой – хорошо бы похудеть. А то вон сколько одежды в шкафу висит, но почти все пиджаки в последние

годы перестали сходиться на брюхе. А всё из-за того, что бросил курить.

Отказ от курения – в этом есть подлинное величие. Тут, если начнём проводить уместные сравнения, померкнут и «Орестея» Эсхила и некоторые пьесы Шекспира. Потому что человек, добровольно отказавшийся от этого восхитительно-го занятия, сам себе и Давид и Голиаф. Радость победы над собой с точностью до последнего грамма компенсируется горечью собственного поражения. Это ещё в лучшем случае. А в худшем... как подумаешь, сердце готово выпрыгнуть из грудной клетки и уже после этого с треском разорваться.

После того как Гавличек под влиянием непреодолимых сил, представленных главным образом его неукротимой супругой и в меньшей степени его собственными представлениями о вреде табака, расстался со своей милой привычкой, у него на лице навеки поселилось несмываемое кислое выражение страстотерпца, а живот стал быстро увеличиваться до совсем непростительных размеров.

Вот уже и старые брюки одеть не удаётся.

Можно купить новые брюки. А можно похудеть.

Так как?

Проще купить брюки. Дешевле похудеть.

Гавличек вздохнул и выбрал второе.

И правильно сделал.

У детектива была огромная сила воли, но и она, случилось, давала трещину, как сегодня, если становилось совсем

невтерпёж. Была не была, съедим сегодня и суп и пельмени.

Однако в этот раз неизбежное падение добродетели не успело состояться.

В дверь позвонили.

– Кто там?

– Открывайте! Именем короля!

Пришлось открыть.

Больших провинностей за собой детектив Гавличек не чувствовал. Ну ругнул в узком кругу пару раз власти, ну посмеялся вместе со всеми над анекдотом про умственные способности Вышеслава. Но ведь теперь за такие шалости не сажают. Не те нынче времена.

А всё-таки боязно. Иногда времена возвращаются.

– Вам приказано немедленно прибыть к Дубовцу, – приятным голосом сказал высокий офицер в длинной новенькой шинели с капитанскими погонями.

Гавличек с интересом посмотрел на него. В этом человеке ощущалась прекрасно натренированная вежливость и хорошо отработанная корректность.

– А если я откажусь, – подумал отставной детектив, – этот славный малый, не меня выражения лица, мигом скрутит меня в узел так, что хрустнут рёбра, и доставит своему начальству на подносике.

– Я готов, – покорно сказал приглашаемый специалист.

Он хорошо помнил Дубовца. Когда-то в давно ушедшем

прошлом тот ещё молоденьким и на редкость неопытным курсантом проходил у него практику. Рыженький был, бородавчатый и неуклюжий. Правым глазом косил. Помнится, всё стремился угодить. И правильно делал, потому что самый надёжный путь к вершине начинается с ретивого ползанья во прахе.

Про него даже стишок сложили:

Пониже кланяйся, друг мой, и быстро выйдешь в люди,
Тебя всем сердцем и душой любить начальство будет.
Поймать улыбку начальства – всё равно что схватить за
хвост фортуны.

Вот только соображал Дубовец туговато. В отличие от Сократа он был не в состоянии постичь даже то, чего не знал. Сколько дел провалил! Все тогда сочувствовали его несовершенству, потому что безвредным смотрелся. Так сказать – простота извиняет. Позже малообещающий практикант, ощутивший тайные взмахи крыльев, несущих благую весть из будущего, женился на генеральской дочке (вот уж не красавица была!) и сразу чудесным образом переменился. Стал откровенно небрежным и начал давать Гавличеку ценные указания. Если же приходил в неудовольствие, то выражал его не в самых почтительных выражениях. Вскоре Дубовец пошёл на повышение, и пути их разошлись. Со стороны стремительное вознесение способного ученика выглядело как старт праздничной ракеты. А его прежний наставник тихо

старился на прежней должности и всё больше становился похожим на валун в долине, который в гору сам не катится и его тоже никто туда тащить не собирается.

Нельзя переоценить то, что не имеет цены.

Высшая ценность Гавличека состояла в том, что он себя не переоценивал.

Высшая ценность Дубовца состояла в том, что его никто не переоценивал.

– Вот и я опять пригодился, – не без горькой насмешки над самим собой беззвучно сказал Гавличек. А затем ему припомнилось, как этот Дубовец сумел стать живой легендой ещё при жизни курсантом. Брала однажды серьёзную банду с поличным. Тогда его, необстрелянного, вместе с другими такими же поставили для подстраховки во внешнюю цепь окружения.

Ночь была особенно черна из-за того, что дождевые тучи не пропускали скудный свет и без того тёмного неба. Из крон невидимых деревьев раздавалось мерзкое, возмущённое карканье таких же невидимых ворон. Им тоже очень не нравилась погода. Сырой ветер противно охлаждал лицо скупающего молодого человека, отчего ему хотелось убежать в гости к бабушке в её тёплый и всегда гостеприимный дом.

Потом в стороне послышались выстрелы, недовольные крики, и спустя минуту из темноты прямо на Дубовца вынырнул здоровенный пыхтящий дядя с большим чемоданом, который тащить было явно нелегко.

Растерявшийся курсант двинулся навстречу незнакомцу и робко спросил:

– А что это у вас в чемодане?

– Кефир! – огрызнулся детина и попёрся дальше вместе со своим скарбом. Мрак поглотил его.

Подъехали к огромному светлому зданию устаревшей архитектуры. Всюду колонны и аллегорические фигуры, непонятно что изображающие. Когда-то здесь был институт самых благородных девиц. Оттого все классические тела изваяний там, где требовалось, были старательно задрапированы. Это давало больше возможностей воображению. А ещё освежили потемневший мрамор статуй белой масляной краской. Это лишило лилейные плечи неведомых богинь последних следов эротики, зато самим богиням придало воистину голубиную кротость и даже некий дешёвый шик.

Теперь в этих мирных стенах вместо subtilных и очень благовоспитанных девушек, из которых должны были вылупиться образцовые матери благополучных семейств, обретались бесчисленные пухленькие чиновники с обвислыми щеками. Здесь, в тиши уютных апартаментов, им надлежало составлять мудрые и полезные наставления суровым, тренированным мужчинам, способным достойно противостоять натиску любых стихий во всём их угрожающем буйстве и великолепии.

– Дорогой учитель! – громогласно прокричал министр за-

ранее заготовленное приветствие, со всей силой нерастроченных эмоций сгрёб ненаглядного гостя в охапку и даже попытался поцеловать в щеку, но Гавличек сумел увернуться от мокрых губ. И правильно сделал, потому что его носовой платок остался дома.

Потом обрадованный ученик несколько раз дружелюбно хлопнул своего учителя по спине, давая тем понять, что тот может чувствовать себя в этом высоком кабинете совершенно запросто.

Промчавшиеся лета, возможно, сделали Дубовца немного умней и внутренне значительней. Но его внешность, и в молодости не слишком выигрышную, невеликодушное время совсем не пощадило. Вместо благородной сократовской лысины, убедительно украшающей знаменитых академиков, преуспевающему министру досталась всего лишь жалкая плешь. А морщины, коим по замыслу природы полагалось служить свидетельством долгих возвышенных раздумий над судьбами человечества, разбежались по его широкому, но очень уж невыразительному лицу настолько прихотливым чертежом, что разобраться в нём не было ни малейшей возможности.

Изъяны облика не помешали Дубовцу убедительно продемонстрировать величайшую радость от встречи после затянувшейся разлуки.

– Давно, ох давно мы не виделись, – продолжал констатировать очевидное бывший питомец, снова и снова обнимая

дорогого гостя, явно не имея сил от него оторваться.

– Не по моей вине, – хотел с достоинством сказать сильно отставший в своём житейском и социальном развитии детектив, но всё же у него хватило ума сокрушённо вздохнуть и тихо согласиться, что, действительно, давно, одновременно показывая всем видом, что отсутствие желанных встреч переносилось им хотя и с величайшей скорбью, но зато с похвальной покорностью требованиям субординации.

– Может коньячку примем, а? – предложил великодушный хозяин.

Пошлей этой фразы не сыскать, но лучшего начала для содержательного разговора никто ещё не придумал.

Вот и Гавличек, увидев явление ещё непочатой бутылки, содержащей вдохновляющую жидкость (а как ещё можно назвать старый грузинский коньяк?), сразу догадался, что общение со старым другом будет серьёзным и долгим. Быстренько рассудив, что нет смысла менять правила уже начавшейся игры, сообразительный детектив радостно потёр руки и воскликнул (в той же тональности):

– Охотно! С лимончиком!

Разговор и впрямь получился долгим, и одной бутылки для него не хватило. Пришлось из сейфа достать следующую. Хорошо, что министр был предусмотрителен и запаслив!

Гавличек внимательно слушал Дубовца – по крайней мере, таким выглядел, – и когда тот в пятый раз уже заплетаю-

щимся языком открыл ему великую государственную тайну, сказал:

– Всё ясно.

– Чудесно. С этой минуты ты снова на службе, и я назначаю тебя старшим. Все тебя, запоминай, все теперь будут слушаться. Кроме меня, конечно. И кроме Него, – министр показал глазами вверх. – Начальник криминальной полиции и все его люди с этого дня – я уже приказал – в полном твоём распоряжении. Только никому про случившееся ни гу-гу.

– Ни звука, – пообещал Гавличек, взирая на большого человека самыми честными глазами. Его немало позабавило тыканье бывшего ученичка. Что ж, иной раз приходится быть снисходительным, хоть и нелегко это. Стоит жить слепым, глухим и немым, только не жить рядом с властной, сильной и радостной чернью, вспомнил он (совсем некстати) чьи-то слова.

Хотя знаменитый в прошлом сыщик и дал понять все-сильному министру, что ему всё понятно, на самом деле ничего ему понятно не было, но к такому натуральному состоянию полного неведения прославленный детектив за долгие годы службы успел целиком привыкнуть, как к неизбежному спутнику своей неординарной профессии.

– Так что будем делать? – с надеждой спросил вышедший в верху способный ученик.

– Сначала будем думать, а потом действовать, – пояснил никуда не вышедший бывший учитель. Ведь нужно же было

как-то потянуть время, пока что-нибудь само собой не прояснится. Лучше этого безупречного приёма наука пока ещё ничего предложить не сумела.

Дубовец без удовольствия подумал, что сам он не знает о чём думать, а тем более как действовать, но открывать такие мысли, недостойные его высокого положения, не стал, а, наоборот, уверенно произнёс:

– Я тоже так считаю.

Гавличек одобрительно кивнул головой.

Великое искусство разговора состоит в том, чтобы уметь красноречиво молчать, но уж если придётся говорить, то суметь сказать много и одновременно не сказать ничего, что наложило бы на говорившего хоть какие-нибудь обязательства, и при этом не упустить ничего такого, что очень понравится другой стороне, имеющей надежды найти в словах первой стороны полное подтверждение справедливости своих неутолённых желаний и верности собственных ещё не созревших мыслей.

Помолчав несколько минут, что показывало полное уважение к последним словам министра, заслуживающим исключительно глубокого осмысления, Гавличек, исходя из собственных представлений об умственных способностях собеседника, полувопросительно сказал:

– Вы, конечно, считаете, что начать следует с осмотра места происшествия.

Нам неизвестно, оценил ли пронизательный начальник в

должной мере бесконечную деликатность отставного детектива, но будем надеяться, что тактичность учителя пришлась по душе ученику.

– Именно это я имел в виду!

– Здесь свежий взгляд, особенно ваш, будет совсем не лишним, – скромно высказался Гавличек, спрятав яд насмешки настолько глубоко, что и сам его почти не заметил.

«Во, соображает!» – про себя восхитился Дубовец, воспалённый замечательным продуктом закавказских лоз, а вслух важно сказал:

– Разумеется!

Вдвоём стали осматривать кабинет Его Величества, а самого короля попросили на время выйти, чтобы не путался под потерявшими твёрдость ногами умелых сыщиков и не мешал их профессиональной деятельности своими ненужными советами.

Висевшие на стенах портреты венценосных бабушек и дедушек надолго привлекли внимание приметливого детектива. Он и так и этак рассматривал их: с прищуром и без. Словно, вглядываясь в потускневшие холсты, вопрошал людей, давно покинувших этот мир, не было ли их участия в последнем похищении, а если не было, то, может быть, заметили нечто необычное.

Дубовец тем временем настойчиво рылся в ящиках письменного стола. Не потому что надеялся сыскать там корону, а всего лишь из праздного любопытства – а что там хран-

нит глава государства? Добыча оказалась небогатой: два прошлогодних календарика, плохо пишущая авторучка, приглашенный билет на свадьбу принца Фелипе, старые подтяжки, заграничный орден, коробка с оловянными солдатиками, логарифмическая линейка в красном футляре, театральный бинокль, две колоды карт, четырнадцать скрепок для бумаг, журнал с фотографиями недостаточно одетых красавиц, роман Чарльза Диккенса с оторванным началом (из-за этого название книги установить не представлялось возможным, но стиль автора угадывался без труда).

Заскучавший король просунул голову в дверь и спросил Дубовца:

– Расскажите мне, как вы намерены раскрыть это ужасное преступление.

Дубовец покраснел и с надеждой взглянул на Гавличека.

– Я вам сейчас всё объясню, – сказал детектив. – Существует несколько способов раскрытия преступлений. Каждый имеет свои достоинства и, увы, свои недостатки. Не будь недостатков, хватило бы и одного способа на все случаи жизни. А так иной раз приходится комбинировать.

– К какому же способу намерены прибегнуть вы? – поинтересовался Вышеслав.

– Это будет зависеть от обстоятельств. Вполне возможно, что в этом деле мы прибегнем к индуктивному методу, когда цельная картина преступления понемногу сформируется как обобщение мелких частных случаев. Именно так мы рассле-

довали крупнейшее хищение импортной мебели со склада в Зелёных Горках. И всё получилось просто замечательно.

Но может так случиться, что в другом случае более плодотворным окажется дедуктивный метод, когда, представив себе для начала общую картину во всей её полноте, мы от неё перейдём к частностям. Как раз таким способом мы раскрыли памятное ограбление банка на Заречной улице. Оба эти метода хорошо известны всем интеллектуалам.

«Никак не могу понять, в чём между ними разница», – подумал король.

– Конечно, конечно, они мне хорошо известны, – поспешно сказал король и прикрыл дверь.

Потом сыщики обшарили пол и нашли утерянную министром пуговицу, а с ней несколько закатившихся монеток и античную золотую заколку для волос. Очень красивую, с большим вкусом сделанную (русалка верхом на дельфине). Снова пригласили короля и показали ему находку. Но тот сделал вид, что не проявил интереса, и сказал, что, скорее всего, заколка принадлежит одной из служанок, заходивших вытереть пыль.

– А что – у вас служанки в антикварном золоте ходят? – удивился простодушный Гавличек.

Вышеслав насупился и попробовал спрятать находку в карман, сказав, что просит по пустякам к нему не обращаться. Но следователь остановил его.

– Извините, Ваше Величество, – вежливо, но твёрдо ска-

зал он, отбирая драгоценность. – Эта вещица может оказаться ценнейшей уликой, способной вывести нас на правильное направление поисков.

Королю оставалось только покориться. Но он не удержался и съязвил:

– А как же индукция и дедукция? Я начинаю подозревать, что без обо всём говорящих улик и абсолютно всё объясняющих вещественных доказательств ваши всепобеждающие методы, о которых вы мне рассказывали, наверное, совершенно бесполезны.

– Совершенно верно, – радостно откликнулся детектив. – Нам преступление без улик и тому подобного – всё равно, что астрологу небо без звёзд.

– И какие же улики вы больше всего цените? – спросил Вышеслав, проявляя снисходительный интерес к далеко не царскому занятию сыска.

– Я вам сейчас всё расскажу, – обрадовался Гавличек, давно не имевший случая показать во всём блеске свой непревзойдённый класс. – Многие думают, что самое главное для следствия – это папиллярные линии пальцев, пятна крови, пряди волос, пахнущие порошком гильзы на ковре, следы на снегу или глине и прочая мишура. Пустяки всё это. Посмотрите сами, сколько здесь волос на полу насыпано. Вот, глядите, я поднимаю длинный волос, явно принадлежавший блондинке. Чей он?

– Я не знаю, – ответил король, заливаясь необъяснимой

краской смущения (королева-то была жгучей брюнеткой).

– И я не знаю, – успокоил его детектив первой категории. – Если я стану возиться с каждым волоском – смотрите, сколько их здесь, и здесь ещё, – я и через сто лет не разгребусь. Улики должны быть такими, чтобы сразу было видно, что к чему. Помню, когда расследовали безнадёжное дело по поводу ужасной расправы над молодой княгиней Шахназаровой, что послужило главной уликой? Пуговица, сударь! Самая обыкновенная пуговица от мундира. Как только она мне попалась, я тут же её – хватъ и напрямиком в офицерское собрание. Там все толкутся, и уже многие выпивши. Я тоже потолкался – хожу и присматриваюсь. Вижу – красавец-ротмистр у стойки стоит и уже заметно набрался. Есть на что посмотреть: голова – под люстру, плечи – Геркулес позавидует. Одним словом – орёл! А на груди этой птички ровно одной пуговички не хватает, точь-в-точь, как у вас сегодня, господин министр. Я подхожу к нему небрежно, берусь за другую пуговку и – чик её ножичком.

– Полюбуйся, милейший, – говорю я этому непревзойдённому герою. – Не кажется ли тебе, что они в чём-то схожи? – И предъявляю ему обе пуговицы. А они – одинаковые!

Видели бы вы, как смутился бедняга, как что-то бессмысленное лопотал в своё оправдание. Ничто ему, разумеется, не помогло, хотя потом он и уверял на суде, что был в тот роковой вечер сильно пьян и оттого совершенно ничего не помнит.

– Действительно, странная история, – отреагировал король на интереснейший рассказ великого сыщика.

– Но это ещё не всё, – поторопился порадовать его Гавличек. – Я вам сейчас расскажу про другой случай, где важнейшей уликой послужила обыкновеннейшая куртка. Такие у нас на базаре тридцать талеров стоят. А если поторговаться, то и за двадцать пять отдадут. Так вот...

– Помилуйте, – сказал король.

– Нет, вы только послушайте. Завёлся тут у нас медвежатник высшей категории. Сейф за сейфом обчищает, а следов – никаких. Бизнесмены – рыдают, банкиры – обеспокоены. И все костерят нашего брата, хотя мы трудимся во всём поте лица своего. Долго ничего не получалось, но потом мы всё-таки его взяли. В тот месяц погода в наших краях стояла на редкость жаркая. Даже ночь не приносила желанной прохлады. И этот поразительный мастер, ковыряясь в сверхпрочном шведском сейфе, по всей видимости, жутко вспотел. Вот он и снял куртку, чтобы тело освежить. Сейф он, разумеется, открыл, денежки вынул и гордо удалился, а вот куртку свою позабыл. А в кармане – открытка от какой-то влюблённой в него Агнешки, и адрес на ней написан. Так что утром мы этого молодца прихватили. Помню, он сильно удивлялся, как мы сумели так быстро найти его. Вот что значит – настоящая улика: собственная куртка преступника, а не какие-то там неизвестные волосы.

Вышеслав потряс во все стороны головой, скороговоркой

сказал, что тоже не прочь освежиться и поспешно выскочил за дверь.

Поиски короны продолжились без него.

На всякий случай сняли с потолка люстру, сорвали обои и паркет да ещё безжалостно вспороли обивку кресел и дивана. Однако и там короны не сыскалось. Старательный Дубовец по подсказке Гавличека даже в камин забрался, но только зря вымазался. В примыкавшем к кабинету туалете тоже ничего существенного не нашлось, кроме ведра, швабры и огромнейшего количества пакетов недорогих бумажных салфеток. Последняя несуразность могла кого угодно заставить задуматься и даже стать основой новой версии преступления, но Гавличек был стреляный воробей и по ложному следу идти не стал.

После того как в кабинете не осталось ни одной неповреждённой, следовательно не осмотренной, вещи, детектив удовлетворённо хмыкнул и сказал, что теперь самое время пойти другим путём и сделать главную ставку на человеческий фактор.

– Это как? – спросил генерал, испачканный, утомлённый и озабоченный.

– *Qui prodest?* – ответил Гавличек, демонстрируя отменное знание латыни, а вместе с ней и юриспруденции.

Посмотрев на вспучившиеся глаза своего питомца, сыщик сжалился и пояснил:

– Надо подумать, кому всё это было выгодно.

– И впрямь, – оживившийся министр уловил брошенную мысль на лету с изяществом безнадзорного пса, радостно хватяющего косточку, – кому это выгодно? И главное – зачем?

Как видите, член кабинета умел развивать очевидные мысли в единственно верном направлении. А ведь претензии на глубокое понимание прописных истин не каждому даны.

– Давайте сядем и хорошенько подумаем, кому и зачем могла понадобиться королевская корона, – вот какое предложение сделал детектив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.